

Еще раз о философском синкретизме

Ответ Оксана Целищевой

ВСЕ-ТАКИ полезно иногда писать рецензии на работы коллег по цеху. Из ответов на критику можно узнать много интересного, пусть и не всегда приятного. Оксана Целищева открыла мне глаза на меня самого. Оказывается, «профессор Джохадзе» претендует на роль «главного рортиведа» в России, пытается «монополизировать» эту область исследований (усматривая в каждом, кто осмеливается на нее посягнуть, опасного конкурента), а последняя его книга о прагматизме, лишенная какой-либо оригинальности, не тянет на серьезную монографию и является «нечитаемой» (скорее, видимо, *нечитабельной*). Кратко отвечу на эти и некоторые другие деликатно сформулированные коллегой замечания.

Во-первых, я не профессор, а всего лишь научный сотрудник без звания, и никаким «рортиведом», тем более главным, себя не считаю. Философия Ричарда Рорти для меня случайное увлечение (правда, затянувшееся на годы), которому я не придаю значения. Репутация знатока одного единственного философа никакому исследователю не покажется привлекательной.

Во-вторых, ни в книге 2023 года, ни в других более ранних моих работах нет даже намека на тезис (приписываемый мне Целищевой) о «чистоте» праматизма Рорти. Если в Америке конца XX века где-то и водились «истинные прагматисты», наш герой точно не принадлежал к их числу. Эпистемологический анархизм Рорти, его методофобия, утверждаю я в книге, *«отдаляют»* его от „аутентичного“ прагматизма Пирса, Джеймса и Дьюи»¹, а сфокусированность философа на лингвистической проблематике (лингвоцентризм) «очевидно расходится с интуициями как отцов-основателей прагматистской традиции, так и значительной части ее нынешних представителей»². Целищевой не нравится, что я «при-

1. Джохадзе И. Д. Современный американский прагматизм. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2023. С. 70.

2. Там же. С. 192.

леплю» к Рорти «ярлык „настоящего прагматиста“». Почему она так решила? Разве я не пытаюсь везде показать, что его лингвистический прагматизм — скорее *не* «настоящий»?³

При всей декларируемой Рорти приверженности к прагматистской традиции он, по замечанию автора, «может быть одновременно релятивистом, плюралистом и даже синкретистом»; «„прагматизм“ является таким зонтичным термином, под которым скрывается много идей и даже направлений». Целищева, по-видимому, думает, что всего этого я не знаю. Чтобы развеять ее сомнения, приведу лишь одну цитату из нечитательной книги:

Американский прагматизм никогда не отличался строгим теоретическим или концептуальным единством. Ф. К. С. Шиллер не был далек от истины, когда заявил, что количество прагматизмов приблизительно совпадает с количеством прагматистов. <...> Смысл самого термина «прагматизм» (и определения «прагматический») «сегодня даже менее ясен, чем в конце XIX столетия», констатирует Р. А. Патнэм. Прагматистами называют себя реалисты и номиналисты, экзистенциальные и аналитические философы, рационалисты и «постмодернисты». <...> О современном прагматизме... точнее не скажешь, чем перефразируя Джеймса: *старое имя для новых* — и очень разных — способов рассуждения⁴.

Я не только не отрицаю, что Рорти как *прагматист* являлся также релятивистом и плюралистом, но прямо об этом пишу в работах, на которые Целищева ссылается в своем сардоническом комментарии. Эпистемологический анархизм, историцизм, культурный релятивизм, антирепрезентационизм, плюрализм и т. д. — суть разные грани, или аспекты, неопрагматизма Рорти. Но быть *одновременно* релятивистом, экуменистом, плюралистом, анархистом и синкретистом — не значит *переходить* от релятивизма к экуменизму, от экуменизма к плюрализму и т. д. Ведь Целищева не просто исследует философское творчество Рорти, но предлагает свою версию его интеллектуальной эволюции («от резкой кри-

3. Если уж на то пошло, «главным прагматистом нашего времени» Рорти называет Целищева, а не я (Целищева О. И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. С. 140).

4. Джохадзе И. Д. Указ. соч. С. 408–410. Подробнее об этом см.: Прагматизм и его история. Современные интерпретации / Отв. ред. И. Д. Джохадзе. М.: Академический проект, 2018.

тики до признания» аналитической философии, от прагматизма до синкретизма), и эта версия представляется мне крайне сомнительной. Достаточно сказать, что свои рассуждения об «анархизме/синкретизме» позднего Рорти (2004–2007) она иллюстрирует выдержками из его сочинений 1980–1990-х годов. Только очень самоуверенный и неразборчивый автор может позволить себе такие фокусы.

Целищева усматривает в моей критике (мотивированной, как она полагает, «отнюдь не научными соображениями») желание «ограничить рассмотрения творчества Рорти „более-менее точным и обоснованным“ мнением одного исследователя (в данном случае, Джохадзе)». Между тем, как сказано в рецензии на ее монографию, я склоняюсь, скорее, к мысли, что «*общепринятое* деление творчества Рорти на два периода — аналитический и прагматистский — является более-менее точным и обоснованным». Таким образом, признавая справедливым *communis opinio* западных и российских исследователей нового прагматизма, я *ограничиваю свое* рассмотрение творчества Рорти *мнением других* авторов, а не пытаюсь, наоборот, навязать свое «профессорское» суждение кому-то другому. В отличие от Целищевой и подобных ей сочинителей, ищущих «способы избегания примитивизма» и «одномерности», я не претендую на какой-то особый взгляд, стиль или метод. В умении соизмерять свои амбиции с возможностями нет ничего дурного. Это касается также и переводов. Чем «брюзжать» и цепляться к терминам, лучше бы взяли и перевели книгу Рорти сами, комментирует Целищева мое недовольство изданным в 1997 году в Новосибирске (и переизданным в 2023 году в Москве) русским текстом «Философии и зеркала природы»⁵. Нет, лучше никак не делать, чем делать плохо.

По мнению Целищевой, мною руководит не «внимание к содержанию переведенной книги или пассажа, а страсть к поиску ошибок (которые не меняют сути и легко поправимы)». В частности, я «имею претензию» к ее «терминологическим решениям» при переводе неологизмов и оборотов Хайдеггера. Коль скоро не существует, по мнению Целищевой, никаких устоявшихся переводов хайдеггеровской терминологии, каждый волен переводить как хочет. Здесь я вынужден возразить: заменить «сущее» в переводе *das Seiende* на «*бытия*» (слово «бытие» во множественном числе, в творительном падеже — «*бытиями*»), «бытие к смер-

5. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.

ти» (*Sein zum Tode*) на «устремление к смерти», «онтоотеологию» (*Ontotheologie*) на «онтологическую теологию» — не значит предложить терминологическое решение. Это в лучшем случае неаккуратность. *Phenomenal world* — не «феноменологический мир», *a posteriori statements* — не «апериорные утверждения», *concepts such as “knowledge” or “morality or “mind”* — не «концепции типа знания, морали или ума» и т. д. «Смешно выглядит, когда Джохадзе поучает французов, как им произносить имя французского философа *Bouveresse*», — пишет Целищева и поясняет, что выбрала вариант «Буврайс» после консультаций с коллегами-франкофонами. Оказывается, все решает аутентичное произношение имен и фамилий, а мнение профессиональных редакторов, переводчиков и исследователей, говорящих и пишущих по-русски, не в счет. (Что-то подсказывает мне, что *Bouveresse* звучит по-французски иначе, но согласимся называть Бувреса Буврайсом.) Почему тогда Гегель у автора не становится Хегелем, Лейбниц — Лайбницем, Волин — Уолином? И как Целищева объяснит волшебное превращение Жака Буврайса на последних страницах книги в Жака Бувере⁶?

Казалось бы, аргументируя *contra* в ответ на критику, стремясь отстоять свое профессиональное реноме, автор должен с особой серьезностью и тщанием подходить к работе со словом — своим и чужим. Но Целищева и здесь демонстрирует поразительную небрежность. Вот как она цитирует, например, рассуждения Рорти о «постфилософии» Деррида и близких ему по духу мыслителей-номиналистов (да, *номинализм* — еще одна ипостась прагматизма *à la Rorty*):

Все философы 20 века... Дьюи, Хайдеггер, Хабермас, Фуко, Хакинг, Латур, Дэвидсон, Витгенштейн и Деррида⁷ — смотрятся как невольные участники в едином движении интеллектуальных историков...⁸

Все философы XX века (от Дьюи до Деррида) принадлежат, или кажутся принадлежащими, к «единому движению интеллектуальных историков»? Теперь сравните с оригиналом:

6. См.: Целищева О. И. Указ. соч. С. 326.

7. Опечатки в именах исправлены. — И. Д.

8. Rorty R. Derrida and the Philosophical Tradition // Idem. Truth and Progress. Philosophical Papers. Vol. 4 (корректно: Vol. 3. — И. Д.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 337–338.

All the twentieth-century philosophers I have mentioned — Dewey, Heidegger, Habermas, Foucault, Hacking, Latour, Davidson, Wittgenstein, and Derrida — will look like unconscious participants in a single movement to the intellectual historians of the end of the twenty-first century.

Излюбленный прием Рорти, — говорит Целищева, — сводить в одну «компанию» мыслителей, которых, на первый взгляд, мало что связывает друг с другом. Она убеждена:

Уж, конечно, эта особенность Рорти никак не относится к его «прагматизму», поскольку в таких компаниях достаточно всяких разных людей, которые по самым разным причинам симпатичны Рорти.

Позволю себе не согласиться. Эти люди (Дьюи, Хайдеггер, Хабермас и далее по списку) потому оказались в одной философской компании, что все они, да простит меня Целищева, *прагматисты* — явные или скрытые (как сказал бы К. Ранер, «анонимные»). Для них, поясняет Рорти в статье о Деррида, характерен своего рода «номиналистский, прагматистский»⁹ подход. Это те самые философы-«холисты»¹⁰ и «контекстуалисты»¹¹, о которых я упоминал в рецензии на книгу Целищевой¹², — мыслители, «рассказывающие истории» и придумывающие новые полезные «словари». Именно они (а не философы-аналитики, наследники Канта и Фреге¹³) — любимые авторы Рорти (*my favorite nominalists*¹⁴, *nominalistic pragmatists like me*¹⁵). «Для прагматиста, каким я являюсь, — здесь же отмечает Рорти, — нет ничего более важного, чем постановка вопросов типа «Что делать?» и поиск ответов на них¹⁶» (Дьюи, Хабермас, Латур и другие, в его понимании, занимались примерно этим). В третьем томе *Philosophical Papers*, откуда Целищева извлекла приведенную выше цитату, выражение «мы, праг-

9. Ibid. P. 339.

10. Ibid. P. 338.

11. Ibidem.

12. Дюжадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... Необычный портрет одного философа // Логос. 2023. Т. 33. № 2. С. 208.

13. См.: Rorty R. Op. cit. P. 331. Ср.: Idem. Analytic and Conversational Philosophy // Idem. Philosophy as Cultural Politics. Philosophical Papers. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 120–130, в особенности 123–124.

14. Idem. Derrida and the Philosophical Tradition. P. 340.

15. Ibid. P. 344.

16. Ibid. P. 329.

матисты» (употребляемое Рорти, между прочим, без всякой иронии или скепсиса) встречается 16 раз¹⁷.

Что еще нужно для того, чтобы Целищева увидела в Рорти прагматиста *по преимуществу*? Если собственные признания философа не убеждают, что может?

Целищева пишет:

В отличие от Джохадзе, я полагаю важнейшей темой переопределение Рорти самого себя, которое нашло отражение в эволюции его взглядов на суть философии, от «философии как разговора человечества» до «философии как культурной политики».

Джохадзе тут ни при чем. Говоря о философии как «голосе в разговоре человечества»¹⁸ (определение 1979 года) и философии как «культурной политике» (определение 2007 года), Рорти имел в виду, по сути, одно и то же (а именно такое понимание философии, которое он противопоставлял «трактовке ее как предмета, *Fach*»¹⁹). *Здесь* никакой эволюции не было.

Целищева обвиняет меня в некорректном цитировании отзыва на автореферат ее диссертации, автор которого рассуждает о «поверхностном эклектизме» философии в США, якобы подтверждаемом биографией Рорти с его хаотическими метаниями между разными интеллектуальными трендами и концепциями.

...Джохадзе прибегает в данном случае к прямой фальсификации, поскольку главное замечание «отзовиста» напрямую противоречит целям Джохадзе. Действительно, в приведенной цитате на месте пропуска, обозначенного многоточием, стоит фраза: «*Вот этот результат диссертации показался мне наиболее ценным*». Как бы ни мотивировал «отзовист» этот свой вердикт, он признает обоснованным плюрализм взглядов Рорти...

Целищева считает эту фразу «ключевой» в обсуждаемом отзыве, а мое избирательное цитирование — «неблаговидным приемом».

17. Рорти, конечно, ироник, но не настолько, чтобы всякий раз говоря А подразумевать В.

18. Чтобы не давать автору повода думать, что я опять «придираюсь», не буду здесь касаться вопроса о том, меняется ли смысл выражения «философия как голос в разговоре человечества» от удаления одного слова с предложением («голос в») и изменения падежа.

19. *Idem*. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 391. Подробнее см.: Романо К. Ричард Рорти и понятие *Fach* // 150 лет прагматизма. История и современность / Отв. ред. И. Д. Джохадзе. М.: Академический проект, 2019. С. 37–47.

Отчего же? Разве пропущенная фраза что-то меняет? Автор отзывает, само собой, хвалит диссертацию Целищевой, и как раз за то, что в ней показано (*для него* — убедительно), как Рорти «на протяжении жизни семь раз менял свои взгляды». Именно в этом он видит ценность работы, о которой судит по реферату. И именно такое представление о Рорти как философе «без стержня», вне всяких сомнений, сложится у читателей книги Целищевой, плохо знакомых с предметом исследования, — представление, которое я действительно считаю необоснованным и превратным. О какой же фальсификации речь?

В рецензии я указывал на фактические неточности в работе Целищевой. Например, там говорится, что в 1980–1990-е годы Рорти «не имел ни студентов, ни аспирантов». Я возразил, что такого не могло быть по определению. На это автор заметила, что я противоречу себе, и процитировала отрывок из статьи, опубликованной в 2018 году в журнале «История философии»:

К философскому «ремеслу» — преподаванию философии будущим профессиональным философам — Рорти (с 1998 года — профессор сравнительной литературы Стэнфордского университета) больше не возвращался, предпочитая этому занятию более приятное времяпрепровождение «в разъездах по живописным уголкам мира, с одной междисциплинарной конференции на другую»²⁰.

Разъясняя: здесь не сказано, что Рорти не имел студентов и аспирантов и не преподавал после Принстона. Разумеется, преподавал, но не *будущим профессиональным философам* — вот что важно. Именно эту возможность не быть «учителем философии для философов» он рассматривал как избавление от «ремесленничества», так тяготившего его в бытность профессором философского департамента. В 1982 году он покидает Принстонский университет и переходит на кафедру *гуманитаристики* Виргинского университета, а в 1998 году становится профессором *сравнительной литературы* Стэнфордского университета — и к философскому «ремеслу»²¹ больше не возвращается. В своей автобиографии он рассказывает об этом весьма подробно²².

20. Джохадзе И. Д. Был ли Рорти аналитическим философом // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 12.

21. R. Rorty to G. Freund, March 22, 1982 // Gross N. Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 233.

22. См.: Rorty R. Intellectual Autobiography // The Philosophy of Richard Rorty / R. E. Auxier, L. E. Hahn (eds). Chicago; La Salle: Open Court, 2010. P. 3–24.

Кое в чем Целищева права: я не водил дружбу с Рорти и плохо ориентируюсь в обстоятельствах его личной жизни, не переписывался с ним в 1990–2000-е годы, не держал в руках его дневников (вел ли он их?), не листал истории болезни... Стыдно сказать, но в моей домашней библиотеке нет ни одного прижизненного издания Рорти с драгоценным автографом. Все сведения о философе и его биографии черпались мной из общедоступной литературы (как и в случае с Брэндомом и другими героями прагматистской «Гаврилиады»). Допускаю, что книга Целищевой является в этом отношении куда более «аутентичным» продуктом, чем все, что писалось о Рорти в России. Могу только порадоваться за автора, так глубоко погруженного в материал. К сожалению, не знаком я и с Михаилом Рыклиным (о котором Целищева невысокого мнения, ведь он «не причастен к спорам вокруг Рорти»). Какое имеет значение, что Рыклин когда-то работал в Институте философии РАН? Если я защищаю коллегу, то вовсе не из «корпоративной солидарности» и не потому, что его интервью с Ричардом Рорти печаталось в «Логосе». Все это не относится к сути дела, как и другие предположения обиженного на критику автора.

Целищева заключает:

Так почему же Ричард Рорти назвал себя «маргинальным аналитическим философом»? На этот, в общем-то самый важный для Джохадзе вопрос в полемике с моей книгой, он предпочел умолчать.

Молчать — значит не говорить, а в рецензии по вопросу, который ставит здесь автор и который она почему-то считает важным не только для себя, но и для меня, я высказался предельно ясно:

Называя себя философом «лишь маргинально „аналитическим“» (*the only marginally “analytical” kind*), Рорти, вопреки утверждению Целищевой, не делает никаких реверансов «в сторону естественных наук»²³ и сциентистского лобби американский философских департаментов, а напротив, подчеркивает свою *недостаточную*... научность и «аналитичность»²⁴.

Иными словами, он *дистанцируется* от мейнстримной аналитической философии с ее «картезианско-кантовской проблема-

23. Целищева О. И. Указ. соч. С. 187.

24. Джохадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... С. 205.

тикой»²⁵ и ориентацией на науку²⁶, а не акцентирует собственную причастность к ней. Целищева преувеличивает значение этой фразы и ложно трактует ее.

Во-первых, она забывает, «сколь ироничен был Рорти в отношении себя самого», а здесь самоирония очевидна²⁷. Во-вторых, он высказывается скорее от имени Куна (глазами которого как бы пытается взглянуть на себя): «Кун восхищался учеными-физиками и сторонился философов вроде меня — лишь маргинально „аналитических“, с массой литературных пристрастий»²⁸ и интеллектуальных причуд. В-третьих, опущенные Целищевой в названии ее книги кавычки, которыми Рорти выделил слово «аналитический», прямо указывают на отношение философа к традиции, с которой ему не хотелось себя идентифицировать (закавычивая слово или определение, автор дает понять: оно не мое). В-четвертых, Рорти в этой статье 1999 года *вспоминает* о Куне и взаимоотношениях с ним в 1980–1990-е годы, когда, снискав репутацию «ренегата» и дисциплинарного «provocateur» благодаря своей первой книге, воспринятой профессиональной аудиторией как «манифест постаналитической философии»²⁹, он (Рорти) сделался маргиналом в академическом философском комьюнити (удивляться чему не приходится: всякому, кто считает, что «истина — пустое понятие», ясное дело, не место в приличном обществе).

Итак, реплика Рорти о маргинальных (*так сказать*, аналитических) философах — никакое не «чрезвычайно важное признание»³⁰, а всего лишь фигура речи, не заслуживающая того пристального внимания, какое ей уделяется в монографии Целищевой, риторический оборот, не прибавляющий ничего существенного к образу американского прагматиста.

Я не тешу себя надеждой, что мои разъяснения в какой-либо степени удовлетворят Целищеву. Кажется, она принадлежит к авторам, с которыми трудно вести содержательный диалог. От оце-

25. Rorty R. Intellectual Autobiography. P. 23.

26. См.: *Idem*. Analytic and Conversational Philosophy. P. 124.

27. Когда его спрашивали, практикует ли он аналитическую философию, Рорти отшучивался: «Только дважды в неделю, по вторникам и четвергам» (*Idem*. Intellectual Autobiography. P. 18).

28. Rorty R. Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. P. 187.

29. West C. Keeping Faith. N.Y.; L.: Routledge, 1993. P. 114.

30. Целищева О. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». С. 187.

нок ее манеры полемизировать я воздержусь. Если эта буря в стакане воды кого-то вообще интересует, пусть читатели сами рассудят, кто из нас больший «хейтер» и фантазер и кто заслуживает доверия как исследователь, занимающийся историей философии, а не ее профанацией.

Игорь Джохадзе